

Творческая эволюция

Автор:

[Анри Бергсон](#)

Творческая эволюция

Анри Бергсон

Великие идеи

Что такое творческая интуиция? Наверное, каждый в той или иной степени испытывал на себе. Но вот определить ее, понять, как она работает, возможно, даже научиться в какой-то мере управлять ею – задача непростая. Анри Бергсон жил в эпоху серьезнейших социальных катаклизмов, и потому в нем пробудилось скептическое отношение к человеческому разуму. Постичь жизнь с помощью интеллекта невозможно, полагал он. Между тем, коснувшись столь тонкой материи, как творческая интуиция, он нашел немало закономерностей, которые будут интересны и для современного читателя, ведь каждый из нас – творец, да и миру вокруг нас свойственна творческая эволюция, которая тоже не случайна.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Анри Бергсон

Творческая эволюция

По мнению Бергсона, инстинкт относится к интеллекту как:

1. Чувство к мысли.
2. Иррациональное к рациональному.
3. Зрение к осязанию.
4. Прошлое к будущему.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

Анри Бергсон

(1859–1941)

Анри Бергсон: «Интуиция – это ставший бескорыстным инстинкт...»

Анри Бергсон (1859–1941) – представитель таких философских направлений, как интуитивизм и философия жизни. Основоположником последнего считается Артур Шопенгауэр, утверждавший, что мы живем в худшем из возможных миров. Немецкий гений стоял на позициях иррационализма – эта концепция отказывает человеческому разуму в способности постичь мир и ставит на первое место откровение, интуицию, инстинкт – пусть и животный. Шопенгауэр утверждал: движущий мотив всего сущего – неутолимая воля к жизни. Эту теорию позднее развил Фридрих Ницше с его заявлениями о смерти Бога, сверхчеловеке,

гибельности морали...

Философия жизни, неоднозначная и спорная, достигает расцвета в конце XIX – первой трети XX века, параллельно с мировыми войнами и научными свершениями.

Бергсон утверждал: понятия, которые долгое время были ключевыми в мировой философии – материя и дух – сами по себе не имеют особого смысла. Они обретают его лишь в связи с истинной, подлинной реальностью – жизнью. Постичь ее невозможно ни интеллектом, ни при помощи разума – только интуитивно. Но такая способность дана не всем: интуиция, неотделимая от творческих способностей и возможности преобразовывать мир, – удел немногих избранных.

Спорно, дерзко, неоднозначно? Да. Но назначение философии – не заставить во что бы то ни стало согласиться с тем или иным мыслителем, а пробудить разум и заставить размышлять.

18 октября 1859 года – Анри Бергсон родился в Париже.

1868–1878 – учеба в лицее Фонтейна.

1881 – окончил Высшую нормальную школу – по сей день одно из самых престижных учебных заведений в мире.

1889 – Бергсон получил степень доктора философии.

1896 – вышла работа «Материя и память». 1907 – увидел свет известнейший труд Анри Бергсона «Творческая эволюция».

1917–1918 – философ совмещает преподавание и научную работу с дипломатической деятельностью.

1927 – Бергсон получил Нобелевскую премию по литературе.

1932 – опубликована книга «Два источника морали и религии».

4 января 1941 – мыслитель скончался от воспаления легких в Париже, оккупированном немцами.

«Эволюция есть непрерывно возобновляющееся творчество»

Труды Бергсона включались католической церковью в «Индекс запрещенных книг»... Парадоксально, но философ никогда не относился к категории убежденных богоборцев и признавал за религией возможность изменить жизнь к лучшему руками святых пассионариев, обладавших интуицией, а следовательно, могучей силой преобразования и убеждения.

Видимо, дело в том, что отнюдь не веру и не божественный разум Анри Бергсон ставит во главу угла, рассуждая о движущей силе Вселенной. Более чем внимательно ознакомившись в юности с теорией эволюции Дарвина, философ выстраивает собственную концепцию, согласно которой эволюция приводится в движение жизненным порывом, преобразующим и видоизменяющим материю. Жизненный порыв можно сравнить с электрическим разрядом, с метеоритом, который, ослепительно сгорая, рассыпается на части, при этом создавая как материю (остывшие части), так и дух (те части, что продолжают ярко гореть, освещая путь). Порыв – сознательное начало, вернее, даже сверхсознательное... Но как, где, благодаря чему возникает этот порыв?

Мы предлагаем вам ознакомиться с первыми двумя главами бергсоновской «Творческой эволюции». И, возможно, дальнейшее знакомство с работами этого необычного мыслителя продолжится уже по вашей личной инициативе?

«Наш ум – это извлеченный из формы металл, – писал Бергсон, – а форма – это наши действия».

Введение

История развития жизни при всей своей нынешней неполноте уже намечает нам путь, который привел к установлению и организации интеллекта. Это был

непрерывный прогресс вдоль ряда позвоночных, кончая человеком. В нашей способности понимать мы видим просто прибавление к нашей способности действовать, все более точное, сложное и гибкое приспособление сознания живых существ к данным условиям их существования. Отсюда следует, что наш ум в узком смысле слова имеет целью обеспечить нашему телу его пребывание в среде, представить отношения внешних вещей между собой, наконец, постигнуть материю мыслью. Таков один из выводов настоящего труда. Мы увидим, что человеческий ум среди неодушевленных предметов, в частности среди твердых тел, чувствует себя как дома. Здесь наша деятельность имеет опорный пункт, здесь наша техника берет свои рабочие инструменты. Мы увидим, что наши понятия образованы по форме твердых тел, что наша логика является главным образом логикой твердых тел и что поэтому наш ум одерживает свои лучшие победы в геометрии, где открывается родство логической мысли с неодушевленной материей и где уму приходится только следовать своему естественному движению; после возможно слабого соприкосновения с опытом он делает одно открытие за другим в уверенности, что опыт идет за ним и неизменно оправдывает его.

«Теория жизни без критики познания принуждена принять предлагаемые ей разумом воззрения таковыми, как они есть.»

Но отсюда следует также, что наша мысль в своей чисто логической форме не способна представить себе действительную природу жизни, глубокий смысл эволютивного движения. Жизнь создала мысль в определенных обстоятельствах для воздействия на определенные предметы; мысль только эманация, один из видов жизни, – как же может она охватить жизнь? Мысль – только один из этапов эволютивного движения, как же применить ее к эволютивному движению в целом? С таким же правом можно было бы утверждать, что часть равна целому, что действие поглощает в себе свою причину, что камень, оставленный волною на морском берегу, изображает форму волны. В самом деле, мы ясно чувствуем, что ни одна из категорий нашей мысли, как, например, единство, множественность, механическая причинность, разумная целесообразность и так далее, не может быть точно применена к живым предметам. Кто скажет, где начинается и где кончается индивидуальность, является ли живое существо единым или многим, клетки ли соединяются в организм, или организм разделяется на клетки? Напрасно мы стараемся вместить живое существо в те или другие рамки. Все они распадаются, ибо все они слишком узки, а главное, недостаточно гибки для этого. Наша мысль, столь уверенная в себе, когда она

имеет дело с неодушевленными предметами, теряет эту уверенность на этой новой почве. Трудно было указать какое-нибудь биологическое открытие, обязанное чистому рассуждению. И чаще всего, когда опыт, наконец, показал нам, каким образом жизнь достигает известного результата, мы находим, что именно о таких приемах мы никогда не думали.

Однако эволюционная философия, не задумываясь, распространяет и на живые существа те объяснения, которые оказались пригодными для мертвой материи. Сперва она показала нам интеллект в качестве отдельного проявления развития; он был светильником, может быть, случайным, освещавшим блуждание живых существ в узком поле их действий. И вдруг, забыв о том, что она только что сказала, она превращает этот фонарик, светящий в глубине подземелья, в солнце, освещающее мир. Она с помощью одной умозрительной мысли смело приступает к исследованию всех вещей, даже жизни. Правда, она встречает на пути такие огромные трудности; ее логика приводит к таким странным противоречиям, что она скоро отказывается от своих первоначальных претензий. Мы постигаем, говорит она, не самую действительность, а только ее подделку, точнее, ее символический образ. Мы не знаем и никогда не будем знать сущности вещей: абсолютное нам недоступно; нужно остановиться перед Непознаваемым. Прежняя чрезмерная гордость человеческим разумом сменилась, по правде сказать, чрезмерным унижением его. Если интеллектуальные формы живого существа постепенно приспособлялись к действиям и взаимодействиям известных тел и их материальной среды, то почему бы нам не узнать кое-чего о самой сущности этих тел? Действие не может происходить в ирреальности. Можно допустить, что разум, созданный для умозрений или мечтаний, остается чуждым действительности, что он переделывает и преобразует ее, что, может быть, он даже творит ее, как мы своим воображением создаем фигуры людей и животных из обрывков проносящихся облаков. Но разум, направленный на реальные действия и на неизбежную реакцию их, прикасающийся к предметам, чтобы в каждый момент получать от них меняющиеся впечатления, такой разум кое в чем соприкасается с абсолютным. Разве нам пришла бы в голову мысль усомниться в абсолютной ценности наших знаний, если бы философия не показала, какие противоречия встречаются в нашем умозрении, в какие тупики оно заводит нас? Эти затруднения и эти противоречия происходят потому, что мы применяем обычные формы нашей мысли к вещам, для познания которых не применимы приемы нашей техники, и для которых поэтому не годятся наши категории. Поскольку же познание относится к известной стороне мертвой материи, оно, наоборот, дает верный снимок с нее. Но оно становится относительным, когда оно как таковое хочет представить нам жизнь, то есть самого фотографа, делавшего

СНИМОК.

* * *

Следует ли, однако, отказываться от более глубокого понимания природы жизни? Нужно ли держаться механических представлений, постоянно предлагаемых разумом? Последние по необходимости имеют искусственный и символический характер, ибо вся активность жизни сводится ими к форме определенной человеческой активности, частного и местного проявления жизни, следствия или остатка жизненного действия.

Это было бы необходимо, если бы жизнь употребила весь свой запас психических возможностей на создание чистых разумов, то есть на приготовление геометров. Но линия развития, которая заканчивается в человеке, не является единственной. На расходящихся в другие стороны путях развились иные формы сознания, не сумевшие освободиться от внешних стеснений и не справившиеся с собой, как это сделал интеллект человека, но все же выражающие нечто постоянное и существенное для эволютивного движения. Сблизив те и другие, соединив последние с разумом, мы, может быть, получим сознание, широкое как жизнь и способное на то, чтобы, внезапно оглянувшись на стоящий за ним жизненный порыв, увидеть его целиком, хотя бы на одно мгновение.

Могут возразить, что даже в этом случае мы не превысим пределов нашего разума, ибо им и через него мы смотрим на другие формы сознания. Это было бы верно, если бы мы были только разумными существами, если бы возле нашей умозрительной и логической мысли не находилась неопределенная туманность из той самой сущности, за счет которой образовалось сияющее ядро, наш разум. В этой туманности еще находятся силы, дополняющие разум; мы только смутно чувствуем их, сосредоточившись в себе; но они осветятся и станут отчетливы, когда они обнаружатся, так сказать, на деле, в развитии природы. Они покажут, таким образом, какие усилия им нужно сделать, чтобы стать более заметными и развиваться в направлении, принятом жизнью.

* * *

Это значит, что теория познания неотделима от теории жизни. Теория жизни без критики познания принуждена принять предлагаемые ей разумом воззрения таковыми, как они есть. Независимо от ее желания она может только заключить факты в заранее готовые рамки, признаваемые ею окончательными. Она, таким образом, получает символизм, удобный, может быть даже необходимый для положительной науки, но не полное созерцание своего предмета. С другой стороны, теория познания, не указывающая место разума в общем развитии жизни, не может объяснить, как образовались границы познания, и каким образом мы могли бы расширить их или выйти за их пределы. Исследования по теории познания и по теории жизни должны соединиться вместе; они тогда будут бесконечно двигать друг друга вперед.

«Исследования по теории познания и по теории жизни должны соединиться вместе; они тогда будут бесконечно двигать друг друга вперед.»

Соединение этих двух теорий может разрешить великие проблемы философии более верным и более близким к опыту методом. В самом деле, если бы им удалось выполнить их общую задачу, они показали бы нам процесс образования сознания и, тем самым, генезис той материи, общий вид которой рисует наша мысль. Они дошли бы до самого корня природы и духа. Они заменили бы ложный эволюционизм Спенсера, состоящий в расчленении уже сложившейся действительности на мелкие, не менее развившиеся части и в составлении ее потом из этих кусков, то есть в том, чтобы дать наперед то, что требуется объяснить, – истинным эволюционизмом, который проследит действительность в ее развитии и ее росте.

Но такая философия не пишется в один день. В отличие от так называемых философских систем, из которых каждая была цельным созданием одного гениального человека, которые можно целиком принять или целиком отвергнуть, она может выработаться только коллективным, прогрессирующим трудом многих мыслителей, а также исследователей, дополняющих и исправляющих друг друга. Понятно, что настоящий труд не имеет в виду сразу разрешить эти великие проблемы. Мы хотим просто указать метод и наметить возможность его применения в нескольких существенных пунктах.

План работы указывается самим ее предметом. В первой главе мы приложим к эволютивному прогрессу те две формы, которыми пользуется наш разум:

механическую причинность и целесообразность[1 - Мысль считать жизнь выходящей за пределы как целесообразности, так и механизма, далеко не нова. В частности, она основательно изложена в трех статьях Дюнанна о Проблеме жизни (Revue philosophique. 1892). В развитии этой идеи мы не раз встречаемся с Дюнанном. Однако наши воззрения по этому пункту, а также касающиеся связанных с ним вопросов, уже давно были изложены нами в «Очерке непосредственных данных сознания», Paris, 1889. Одной из главных задач этой работы было выяснение того, что психологическая жизнь не представляет ни единства, ни множественности, что она выходит за пределы механического и разумного, ибо механизм и целесообразность имеют смысл только там, где есть отчетливая множественность, протяженность и, следовательно, собрание прежде существовавших частей: реальная длительность означает разом непрерывность и творчество. В настоящей работе мы применяем те же идеи к жизни вообще, рассматривая ее, впрочем, с психологической точки зрения. – Прим. авт.]; мы покажем, что они обе непригодны, но что одну из них можно исправить, и в этом виде она могла бы годиться лучше другой. Чтобы подняться над точкой зрения разума, мы постараемся восстановить во второй главе великие пути, пройденные жизнью рядом с эволюцией, которая вела к человеческому интеллекту.

Раз интеллект отнесен, таким образом, к производящей его причине, нам остается тогда понять самое эту причину и проследить ее движение.

<...>

Для этого необходим краткий обзор истории систем, а также анализ двух больших заблуждений, которым подвержена человеческая мысль в рассуждениях о действительности вообще.

Глава первая

Развитие жизни, механизм и целесообразность

Из всех вещей мы больше всего уверены и лучше всего знаем, бесспорно, наше собственное существование, так как о всех других предметах мы имеем только

представления, которые можно признать внешними и поверхностными, тогда как самих себя мы познаем внутренне и глубоко. Что констатируем мы при этом? Каков точный смысл слова «существовать» в этом особенном случае? Напомним, в двух словах, выводы предыдущей работы.

Я констатирую, прежде всего, что я перехожу из одного состояния в другое: мне то жарко, то холодно, то я весел, то печален, то я работаю, то ничего не делаю, то я смотрю на окружающее, то думаю о других вещах. Ощущения, чувства, хотения, представления – таковы видоизменения, на которые делится мое существование, и которые по очереди окрашивают его. Я непрерывно меняюсь; более того, эти изменения гораздо значительнее, чем думали прежде.

Я говорю о каждом из моих состояний, как будто оно образует одно целое. Я признаю, что я меняюсь, но мне кажется, что при переходе от одного состояния к другому остается некоторый осадок. Я охотно думаю, что от каждого состояния в отдельности сохраняется его сущность все то время, пока оно продолжается. Однако небольшое напряжение внимания открыло бы мне, что нет чувства, представления или хотения, которое не изменялось бы в каждый момент; если какое-нибудь состояние души перестает изменяться, оно прекращается. Возьмем самое устойчивое из внутренних состояний, зрительное восприятие внешнего неподвижного предмета. Если даже предмет остается неизменным, если я смотрю на него с той же самой стороны, под тем же углом, в тот же день, тем не менее мое впечатление в данный момент отличается от впечатления предыдущего момента. Моя память переводит часть прошлого в настоящее; мое душевное состояние, подвигаясь во времени, постепенно расширяется длительностью, которую оно в себе накапливает. Можно сказать, что оно растет, как снежный ком. Тем более это относится к более глубоким внутренним состояниям, ощущениям, чувствам, желаниям и так далее, не связанным, как простое зрительное восприятие, с неподвижным внешним предметом. Но для нас удобнее не обращать внимания на это непрерывное изменение, замечая его только тогда, когда оно становится настолько значительным, чтобы придать телу новое положение, а вниманию – новое направление. В этот именно момент мы находим, что наше состояние изменилось. В действительности же мы изменяемся непрерывно, и само состояние есть уже изменение.

Это значит, что нет существенной разницы между переходом из одного состояния в другое и пребыванием в том же состоянии. Если «одно и то же» состояние более изменчиво, чем полагают, то наоборот, переход из одного

состояния в другое сходен больше, чем думают, с продолжающимся состоянием; между ними нет резкой границы. Но именно потому, что мы закрываем глаза на непрерывное изменение каждого психологического состояния, именно поэтому, когда это изменение стало столь значительно, что обратило на себя наше внимание, мы принуждены говорить, что новое состояние рядоположено с предыдущим состоянием. Мы предполагаем, что новое состояние, в свою очередь, остается неизменным, и так до бесконечности. Вследствие же видимой отрывочности психической жизни наше внимание направляется на нее посредством ряда отдельных актов: поэтому непрерывная линия психической жизни представляется нам ломаной, подобно ступенькам лестницы. Несомненно, что наша психическая жизнь полна неожиданностей. В тысячах случаев прошлое резко обрывается, и будущее кажется несколько не связанным с ним. Но отрывочность этих явлений выделяется только на непрерывной основе, заключающей самые промежутки, которые их разделяют: это удары литавр, время от времени раздающиеся в симфонии. Наше внимание сосредоточивается на них, потому что более интересуется ими, но каждый из них уносится потоком всей нашей психической жизни. Это только более освещенные точки движущейся полосы, заключающей все, что мы чувствуем, думаем, хотим, – все, что мы представляем собою в данный момент. В действительности именно эта целая полоса и составляет наше состояние. Но о состояниях, определенных таким образом, нельзя сказать, чтобы они были отчетливыми элементами. Они продолжают одно в другом в бесконечном потоке.

«В этот именно момент мы находим, что наше состояние изменилось. В действительности же мы изменяемся непрерывно, и само состояние есть уже изменение.»

Наше сознание, искусственно выделившее и разделившее их, принуждено затем соединить их искусственной же связью. Для этого оно придумывает аморфное, безразличное, неподвижное «я», в котором тянутся, нанизываясь одно на другое, психологические состояния, произведенные сознанием в независимые сущности. В потоке меняющихся, покрывающих друг друга оттенков оно видит отдельные и, так сказать, затвердевшие цвета, рядорасполагающиеся, как различные жемчужины в ожерелье; понятно, что приходится предположить и не менее твердую нить, на которой держатся эти жемчужины. Но раз этот бесцветный субстрат непрерывно окрашивается тем, что его покрывает, то его неопределенность для нас равняется его несуществованию. Мы замечаем именно окрашенное, то есть психологические состояния. Этот субстрат в

действительности не есть реальность; он только простой знак, непрерывно напоминаящий нашему сознанию об искусственном характере тех операций, которыми наше внимание рядорасполагает одно состояние с другим, тогда как на самом деле это один непрерывный поток. Если бы наше существование составлялось из отдельных состояний, синтезируемых пассивным «я», мы не знали бы длительности. Ибо не изменяющееся «я» не длится, и психологическое состояние, остающееся тождественным вплоть до смены на следующее, также лишено длительности. Сколько бы мы ни растягивали одни состояния рядом с другими на поддерживающем их «я», никогда эти нанизанные на крепкую нить твердые кусочки не образуют текучей длительности. В действительности, таким образом, получается искусственное подобие внутренней жизни, ее статический эквивалент, более пригодный для логики и языка именно потому, что из него исключено реальное время. Что же касается психической жизни, как она разворачивается в покрывающих ее символах, то не трудно видеть, что время образует ее существенный материал.

Между прочим, не существует более устойчивого и существенного материала. Наша длительность это не мгновение, идущее на смену другому мгновению, ибо тогда мы имели бы только настоящее, тогда было бы невозможно продолжение прошлого в настоящем, не было бы развития и конкретной длительности. Длительность – это непрерывный прогресс прошлого, пожирающего будущее и растущего по мере движения вперед. Если же прошлое непрерывно растет, то оно и бесконечно сохраняется. Мы уже пытались показать, что память не есть способность размещать воспоминания по отдельным ящикам или заносить их в список. Нет ни списка, ни ящиков, ни даже, собственно говоря, способности, ибо способность действует с перерывами, когда может или хочет, тогда как нагромождение прошлого на прошлое идет непрестанно. В действительности прошлое сохраняется само собой, автоматически. Несомненно, что оно целиком находится при нас в каждый момент; то, что мы чувствовали, думали, желали, начиная с первых лет, все это опирается на настоящее, которое сейчас к нему присоединяется, все это давит на порог сознания, желающего удержать его вовне. Мозговой механизм именно и имеет задачей удерживать почти все это в области бессознательного, вводя в сознание только то, что способно осветить настоящее положение, помочь готовящемуся действию, наконец, выполнить полезную работу. Все же некоторые лишние воспоминания проникают контрабандой через полуоткрытую дверь. Эти вестники бессознательного говорят нам о том, что мы несем за собой без нашего ведома. Но даже не имея об этом отчетливой идеи, мы все же смутно чувствуем, что наше прошлое для нас остается настоящим.

В самом деле, что такое наш характер, как не конденсация нашей истории от самого рождения, даже до рождения, ибо мы приносим с собой врожденные предрасположения. Конечно, при размышлении мы пользуемся только небольшой частью нашего прошлого; но все прошлое целиком, включая также первоначальные особенности души, влияет на наши желания, стремления, поступки. Оно проявляется в том, что заставляет нас действовать в определенном направлении, хотя только ничтожная часть его переходит в сознание.

Вследствие этого переживания прошлого для сознания невозможно пройти два раза через одно и то же состояние. Обстоятельства могут быть те же самые, но они действуют уже не на тот же самый индивид, ибо застают его в новый момент его истории. Наша индивидуальность, строящаяся в каждый момент при помощи накопленного опыта, непрерывно меняется. А меняясь, она не допускает, чтобы тождественное по объему состояние могло когда-нибудь повториться по глубине. Поэтому наша длительность необратима. Мы не можем снова пережить ни одного прошлого момента, так как для этого нужно было бы стереть воспоминание о всем том, что следовало за этим моментом. Строго говоря, мы могли бы изгладить это воспоминание из нашего сознания, но не из воли.

Таким образом, наша индивидуальность непрерывно развивается, растет, зреет. Каждый момент имеет нечто новое, прибавляющееся к прежнему. Скажем более, не только новое, но и непредвиденное. Несомненно, мое теперешнее состояние объясняется тем, что только что было во мне и действовало на меня. Разлагая его, я не найду в нем других элементов. Но даже сверхчеловеческий разум не мог бы предвидеть ту простую и цельную форму, которую получают эти абстрактные элементы от их конкретной организации. Ибо предвидеть, значит проецировать в будущее то, что мы нашли в прошлом, или представить себе в будущем новое сочетание уже известных элементов в другом порядке. Но то, что никогда не было воспринято, и что в то же время является простым элементом, никак не может быть предвидено. Это именно относится к каждому из наших состояний, рассматриваемых как момент развертывающейся истории. Оно просто и оно никогда не могло быть установлено, ибо оно заключает в своем целом весь опыт вместе с тем, что прибавляет к нему настоящее. Это своеобразный момент не менее своеобразной истории.

<...>

* * *

Любой материальный предмет имеет признаки, противоположные только что изложенным. Он или остается тем же самым, или изменяется под действием внешней силы; это изменение мы представляем себе как перемещение его частей, которые сами по себе не изменяются. Если бы эти части могли измениться, мы их подразделили бы дальше. Мы дойдем таким образом до молекул, составляющих эти части, до атомов, образующих молекулы, до еще меньших частиц, образующих атомы, до «невесомого», из которого последние частички образуются посредством вихревых движений. Словом, мы можем довести деление или анализ так далеко, как нужно, и встретимся в конце концов с неизменяющимися элементами.

Итак, при изменении сложного предмета происходит перемещение его частей. Но когда часть изменила свое положение, ничто не мешает ей занять его снова. Группа элементов, прошедших через какое-нибудь состояние, всегда может к нему вернуться, если не самостоятельно, то, по крайней мере, действием внешней причины, возвращающей все на прежнее место. Это значит, что состояние группы может повториться как угодно часто и, следовательно, группа не стареет; у нее нет истории.

Таким образом, здесь ничто не создается, ни форма, ни вещество; то, что есть в группе, то и будет, понимая под тем, что есть, все точки Вселенной, к которым группа имеет отношение. Какой-нибудь сверхчеловеческий разум мог бы вычислить для любого момента положение любой точки такой системы в пространстве. И так как в форме каждой вещи нет ничего, кроме расположения частиц, то будущие формы системы теоретически уже даны ее настоящей конфигурацией. Вся наша уверенность в предметах, все операции над системами, изолируемыми наукой, покоятся на идее, что время не разрушает их. Мы уже касались несколько этого вопроса в предыдущей работе, и мы вернемся к нему в настоящей книге. Теперь же мы заметим только, что абстрактное время t , применяемое наукой к материальному предмету или к изолированной системе, состоит из определенного числа одновременностей или, более общо, соответствий; это число не изменяется, какова бы ни была природа промежутков, разделяющих эти соответствия одни от других. Эти промежутки не вызывают вопросов, когда говорится о неодушевленном веществе; если же их принимают во внимание, то только для того, чтобы присоединить к ним новые соответствия, среди которых может произойти все, что угодно. Здравый смысл, занимающийся только отдельными предметами, как, впрочем, и наука,

рассматривающая только изолированные системы, сосредоточивается на концах промежутков, а не вдоль их самих. Поэтому-то возможно было бы предположить, чтобы поток времени помчался с бесконечной скоростью, при которой все прошлое, настоящее и будущее материальных предметов и отдельных систем сразу разместилось бы в пространстве; причем ничего не придется изменять ни в формулах ученого, ни в языке здравого смысла. Число t всегда означает одно и то же. Оно охватывает одно и то же число соответствий между состояниями предметов или систем и точками готовой линии, представляющей «течение времени».

«Непрерывность изменения, сохранение прошлого в настоящем, истинная длительность – все эти свойства, по-видимому, присущи как сознанию, так и живому существу.»

Однако следование во времени представляет бесспорный факт, даже в материальном мире. Наши рассуждения об изолированных системах могут предполагать, что прошлая, настоящая и будущая история каждой из них может быть сразу развернута как веер; тем не менее эта история разворачивается так, как будто бы она имеет длительность, аналогичную нашей. Когда мне нужно приготовить стакан сахарной воды, что бы я ни делал, я должен подождать, пока сахар растворится. Этот маленький факт очень поучителен, ибо время моего ожидания – уже не то математическое время, которое одинаково хорошо могло бы применяться ко всей истории материального мира, если бы она сразу развернулась в пространстве. Это время сосуществует с моим нетерпением, то есть с некоторой дозой моей собственной длительности, которую нельзя ни сжать, ни продлить по желанию. Это уже не из области мысли, а из области переживаемого. Это уже не отношение, а нечто абсолютное. Но что же это может означать, как не то, что стакан воды, сахар и процесс растворения сахара в воде представляют несомненные абстракции, и что Всё, из которого они выделены моими чувствами и разумом, развивается, может быть, подобно сознанию?

Впрочем, операции науки, выделяющие и замыкающие системы, не вполне искусственны. Если бы у нее не было объективного основания, то было бы непонятно, почему они вполне пригодны в одних случаях и невозможны в других. Мы увидим, что материя имеет тенденцию к образованию систем, которые могут быть выделены и изучаемы геометрически. Именно в силу этой

тенденции мы и даем им определения. Но это только тенденция, имеющая границы, так что выделение никогда не бывает полным. Если же наука производит полное выделение, то делает это только для удобства изучения. Она предполагает при этом, что так называемая изолированная система все же подвержена внешним влияниям. Она просто оставляет их в стороне, потому ли, что считает их слишком слабыми, или потому, что сохраняет право заняться ими после. Несомненно, однако, что эти влияния представляют нити, связывающие данную систему с другой, более обширной, эту с третьей, охватывающей их обе, и так далее вплоть до системы, изолированной наиболее объективно и независимо ото всех, до Солнечной системы в целом. Но и здесь выделение не вполне совершенно. Солнце посылает теплоту и свет дальше самой далекой планеты; с другой стороны, оно движется вместе с планетами и их спутниками в определенном направлении. Оно связано с остальной Вселенной прочными нитями. По этим-то нитям и передается малейшей частице нашего мира длительность, имманентная всей Вселенной.

Вселенная существует в длительности. Чем больше углубляемся мы в природу времени, тем лучше мы понимаем, что длительность означает изобретение, творчество форм, непрерывное изготовление абсолютно нового. Системы, разграничиваемые наукой, существуют только потому, что они неразрывно связаны с остальным миром. Несомненно, что в самой Вселенной, как мы покажем ниже, нужно различать два противоположных движения – «упадок» и «подъем». Первое только разворачивает уже готовый сверток. Оно в сущности может произойти почти мгновенно, как спуск заведенной пружины. Настоящим же образом длительность присуща только второму движению, соответствующему внутренней работе созревания и творчества; это движение налагает свой ритм на первое движение.

Ничто не мешает приписать выделяемым наукой системам длительность и тем самым форму существования, аналогичную нашей. Но для этого надо восстановить их связь с целым. То же а fortiori относится и к предметам, выделенным нашим непосредственным восприятием. Определенные контуры, приписываемые нами предмету, получающему таким образом индивидуальность, являются только изображением известного рода влияния, которое мы оказываем на некоторый пункт пространства: когда мы замечаем поверхности и грани вещей, в наших глазах, как в зеркале, отражается план наших предполагаемых действий. Уничтожьте это действие, а следовательно, и те большие дороги, которые восприятие наперед пролагает в запутанной действительности, и индивидуальность тела растворяется в универсальном взаимодействии; это взаимодействие, несомненно, и есть сама действительность.

* * *

Теперь мы рассмотрели материальные предметы, взятые случайно. Но разве нет предметов, имеющих преимущество перед другими?

Мы говорили, что мертвые тела вырезаны из материи природы восприятием, ножницы которого, так сказать, следуют по очертанию линий действия. Но то тело, которое выполняет это действие, которое, прежде чем совершить реальные действия, уже проектирует на материю схему своих виртуальных действий, которому нужно только направить свои чувствительные органы на поток реального, чтобы кристаллизовать его в определенные формы и создать таким образом другие тела, словом само живое тело, является ли оно таким же, как другие?

«Наш интеллект... имеет своей существенной функцией уяснение нашего поведения, подготовку нас к воздействию на вещи и предвидения для данного положения благоприятных и неблагоприятных явлений, могущих последовать за ним.»

Несомненно, что и оно состоит из части протяженности, связанной с остальным пространством, солидарной со всей Вселенной и подчиненной тем же самым физическим и химическим законам, которые управляют любой частью материи. Но в то время, как подразделение материи на отдельные тела совершается только в нашем восприятии, а построение замкнутых систем, материальных точек релятивно нашей науке, живое тело выделено и замкнуто самой природой. Оно состоит из разнородных, дополняющих друг друга частей. Оно выполняет различные друг к другу приспособленные функции. Это индивид, и ни о каком другом предмете, даже о кристалле нельзя сказать этого с таким правом; ибо кристалл не включает ни разнородности частей, ни различия функций. Конечно, даже в органическом мире трудно определить, что является индивидом и что не является им. Это трудно сделать уже в животном царстве, в растительном же почти невозможно. Эта трудность зависит, впрочем, от глубоких причин, на которых мы остановимся далее. Мы увидим, что индивидуальность содержит бесконечное число степеней, и что нигде, даже у человека, она не осуществилась вполне. Но отсюда не следует, что она не является характерным свойством жизни. Тот биолог, который рассуждал бы как геометр, одержал бы

слишком легкую победу над нашим бессилием дать общее и точное определение индивидуальности. Только законченная реальность может получить точное определение, но жизненные свойства никогда не бывают осуществлены вполне, а всегда только осуществляются; это не столько состояния, сколько тенденции. Тенденция же осуществляется целиком только тогда, когда ей не противоречит никакая другая тенденция. Но может ли быть такой случай в области жизни, где, как мы покажем, всегда смешаны взаимно противоположные тенденции? Что касается, в частности, индивидуальности, то, хотя тенденция к ее развитию постоянно существует в органическом мире, но с ней всегда борется тенденция к воспроизведению. Совершенство индивидуальности требует, чтобы никакая часть организма не могла жить отдельно. Но тогда было бы невозможно воспроизведение. Что оно такое, в самом деле, как не построение нового организма из части, отделившейся от прежнего? Индивидуальность сама пригревает своего врага на своей груди. Потребность вечного существования во времени обрекает ее на неполное существование в пространстве. Дело биолога определить в каждом случае доли этих тенденций. Но тщетно было бы требовать от него раз навсегда данного определения индивидуальности, автоматически применимого ко всем случаям.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мысль считать жизнь выходящей за пределы как целесообразности, так и механизма, далеко не нова. В частности, она основательно изложена в трех статьях Дюнана о Проблеме жизни (*Revue philosophique*. 1892). В развитии этой идеи мы не раз встречаемся с Дюнаном. Однако наши воззрения по этому пункту, а также касающиеся связанных с ним вопросов, уже давно были

изложены нами в «Очерке непосредственных данных сознания», Paris, 1889. Одной из главных задач этой работы было выяснение того, что психологическая жизнь не представляет ни единства, ни множественности, что она выходит за пределы механического и разумного, ибо механизм и целесообразность имеют смысл только там, где есть отчетливая множественность, протяженность и, следовательно, собрание прежде существовавших частей: реальная длительность означает разом непрерывность и творчество. В настоящей работе мы применяем те же идеи к жизни вообще, рассматривая ее, впрочем, с психологической точки зрения. – Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/bergson_anri/tvorcheskaya-evolyuciya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)